

Литрес ≡ Классика

Луи Буссенар

ГЕРОИ МАЛАХОВА КУРГАНА

Луи Анри Буссенар

Герои Малахова кургана

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74201461

Герои Малахова кургана / Луи Буссенар: Литрес Классика; Москва;

2026

Аннотация

Крымская война, осада Севастополя. В центре повествования – судьбы французских солдат и офицеров, брошенных на штурм ключевого укрепления русской обороны. Роман, сочетающий историческую точность с авантурным сюжетом, рассказывает о мужестве, самопожертвовании и той цене, которую платят люди на войне, независимо от цвета мундира.

Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	17
Глава III	29
Глава IV	42
Глава V	53
Глава VI	63
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Луи Буссенар

Герои Малахова кургана

Le Zouave de Malakoff, 1903

ЛитРес

библиотека

© «Литрес», 2026

Часть первая Жан Сорви-Голова

Глава I

Лагерь зуавов. — Накануне битвы. — Мародеры. — Севастополь. — Вина вдоволь. — Букет роз. — Жан Сорви-голова и сержант. — Оскорбление и самоуправство. — Удар... уткой.
— Стой! Ружья в козлы! Вольно!

Короткий отрывистый звук трубы последовал за этой звучной командой полковника.

Две тысячи зуавов, идущих сомкнутыми колоннами, останавливаются вдруг, как один человек. Ряды расстраиваются. Всюду мелькают широкие сборчатые шальвары и белые гетры.

Потом лязг металла — и штыки отомкнуты.

Слышны веселые голоса. Переход окончен, впрочем, очень короткий, едва в пятнадцать километров.

Два часа пополудни.

Только накануне зуавы высадились на берег Крыма, счастливые, что оставляют корабль и могут снова начать свою полную приключений жизнь.

В один миг — мешки на земле, огромные, гигантские мешки, в которых зуавы хранят всякую всячину: свое хозяйство, провизию Промежулки между палатками размечены, палатки развернуты, поставлены, натянуты, укреплены.

В короткое время готов целый городок палаток.

Вполне естественно, что интендантство запоздало. Продовольствия нет. Ротные командиры толпятся около полковника, который поджигает плечами и говорит:

– Эти лентяи не торопятся! Завтра, господа, деремся. Это верно. Необходимо сэкономить резервные запасы... во что бы то ни стало... постарайтесь, чтобы они уцелели до последней крайности! Сегодня... сегодня же... пусть люди отдохнут! Дайте свободу людям! – добавляет он со снисходительной улыбкой.

Завтра битва! Сегодня гульба! – Эти две новости облетели весь лагерь и обрадовали всех.

Солдаты группируются повзводно.

Начальник взвода или кашевар должны заботиться о людках.

Он обязан выполнить невозможное и накормить голодных, которым не хватило продовольствия.

Впрочем, это случается часто и составляет тайну мародеров.

В это время солдаты каждого взвода не теряют времени; одни собирают камни, роют ямы, устраивают костры, ломают ветки деревьев, которые дымят, искрятся и загораются. Другие бегут к реке, чтобы заполнить котелки водой, или осаждают тележку маркитантки, тетки Буффарик, и покупают у нее разные закуски. Некоторые отправляются на поиски. Трубач трубит, призывая к еде, заканчивает жалобной нотой и говорит с комической покорностью:

– У меня нет супа... Горькая судьба!

– Ну-ка, Жан, молодчина! Не заставишь же ты нас смотреть да облизываться...

– Надеемся на тебя!

– У меня в брюхе играют зорю!

– Достань нам поесть, Жан! Достань, или ты не наш молодчина Жан Сорви-голова?

Человек, которого так единодушно называют Сорви-головой, – великолепный солдат 23 лет, стройный, немного выше среднего роста, пылкий, как порох, мускулистый, как боец. Узкий в бедрах, широченнейший в плечах, с высокой грудью, он высоко держит свою красивую голову, на затылке которой каким-то чудесным способом прикреплена его красная феска с голубой кистью.

Красивый молодец, с изящной бородкой, светлой и слегка выьющейся, с тонко очерченным носом и ртом. Его большие, голубые, как сапфир, глаза полны кротости и доброты, как глаза женщины.

Красавец, но сам по себе он нисколько об этом не думает. Он занят другим, весело улыбается, показывая белые, острые, совсем волчьи зубы, и кричит:

– Погодите немного! Кебир сказал: дать свободу людям! Ладно! Пусть я лишусь своего прозвища, если не достану вам выпивки и обеда!

С видом человека, знающего цену времени, Жан вешает на перевязь шесть взводных котелков и отправляется в путь большими шагами, держа нос по ветру.

Товарищи бегут за ним.

– Сорви-голова, мы с тобой!

– Пойдем, дети мои!

– Тут пахнет хорошим вином и мясом...

– Живо, марш вперед!

Они проходят пригорок на левом берегу реки и останавливаются. Крик удивления невольно вырывается из груди.

Перед ними прелестная возделанная равнина, луга, виноградники, фруктовые сады, виллы, фермы, хижины... В центре всего этого целая масса скота. Быки, коровы, овцы, козы, свиньи, кролики, индюшки, куры, утки... целый Ноев ковчег врассыпную. Чувствуется близость большого города, поглощающего всю эту живность. Там, вдали, виднеется этот город, весь белый, с зелеными домиками, блистающими, как изумруды, в лучах солнца.

– Севастополь! – говорит вполголоса Жан. Его товарищи, пораженные, забыв все на свете, глядят во все глаза.

Налево – целый цветник красных панталон. Французские полки расположились лагерем на огромном пространстве: батареи, артиллерия, палатки, огни бивуаков, бригады, Дивизии, словом, целая армия в тридцать тысяч человек.

Под прямым углом – двадцать тысяч англичан, лагерь которых образует правильный угол на линии горизонта.

Вправо, на другом берегу, стоит другая армия, мрачная, тихая, черные линии которой ясно вырисовываются на откосах.

– Неприятель! Русские! – говорит Сорви-голова.

Расстояние между двумя армиями не больше мили. В воз-

духе слышится запах пороху, чувствуется близость битвы.

Передовые английские отряды перестреливаются с казаками. Вдали на аванпостах раздаются выстрелы, изредка грохочет пушка.

На свободном пространстве толпятся и бродят солдаты всех армий.

Мародерство в полном разгаре. Зуавы рискуют не достать даже объедков. После минутного удивления они отправляются далее гимнастическим шагом, прижав локти к телу, причем котелки, которые они несут, болтаются и бренчат.

Первые аулы, хижины, обитаемые татарами, опустошены. Все взято, словно выметено, и несчастные крестьяне горько оплакивают свое разорение.

Зуавы, выдавшие много подобных сцен, проходят мимо, не обратив внимания, ускоряют шаг и, наконец, бегут со всех ног. На пути они встречают линейцев, нагруженных, как мулы, с раскрасневшимися от вина лицами, с воспаленными глазами.

Зуавы достигают большой фермы, расположенной среди виноградников. На дворе ужасающий беспорядок. Солдаты всех армий воюют на скотном дворе. Артиллерист режет саблей свинью, которая отчаянно визжит. Венсенский стрелок взваливает себе на плечи барана, толпа стрелков толкает и тащит мычащую корову, между тем как англичане в красных мундирах охотятся и за птицей.

— Черт возьми, — ворчит один из зуавов, — нам эдак ничего

не останется!

Сорви-голова хохочет и кричит:

– Не бойся! Через минуту у нас будет всего вдоволь!

Из подвала текут реки вина.

Сорви-голова облизывает губы.

– Что, если бы выпить глоток? – говорит он.

– Отлично! – отвечают в один голос зуавы.

Они бегут к подвалу и смотрят. Там можно утонуть в вине.

Настоящее крымское вино, сухое, розовое, искристое, которое пахнет кремнем.

В погребе находились сотни бочек вина.

Солдаты прокололи втулки саблями и штыками. Вино полилось, потекло по подвалу и задержалось в его стенах, как в цистерне.

– Ах, плуты! – кричит один из зуавов. – Надо пить! У меня нет предрассудков, когда тут разлитое море вина!

Никто не думает об умеренности. *A la guerre, comme a la guerre!*

Все начинают пить, пить без конца, празднуя это единственное в своем роде открытие.

Зуавы напиваются вином как губки.

Сорви-голова успел наполнить все котелки.

– Теперь, – говорит он, – похлопочем об обеде!

Они возвращаются на скотный двор, где продолжается ожесточенная битва.

Сорви-голова, от которого не ускользает ничего, замеча-

ет прелестный розовый куст в полном цвету, срывает розы, связывает их былинкой в красивый букет и бережно втыкает его в складки своего шерстяного пояса. Товарищи с удивлением смотрят на него. Какие там розы, когда тут разливанное море вина, а двор полон птицы!

Но у всякого свой вкус, и Сорви-голова, предводитель отряда, имеет полное право выполнять свои фантазии.

Жан спокойно прикладывает руки ко рту в виде воронки и вопит:

– К оружию! К оружию! Казаки!

Безумная паника охватывает мародеров. Они бросают добычу, бегут через двор в ворота и исчезают, совсем перепуганные, потерявшиеся. Зуавы остаются одни и кусают себе губы, чтобы не разразиться сумасшедшим смехом. Сорвиголова весело кричит:

– Все наше! Мы выберем, что нам нравится, и унесем в лагерь!

Посередине двора лежит умирающая свинья, брошенная артиллеристом. Один из зуавов взваливает ее себе на спину, приговаривая: «Пойдем, госпожа свинья! Пойдем!»

Другие хватают индюшек и гусей. Сорви-голова запасся петухом и жирной уткой, которых он держит за шею обеими руками.

Птицы отчаянно болтают лапками и крыльями. Жан становится во главе отряда и командует:

– Налево кругом марш!

Он весело идет впереди, подпрыгивая, встряхивая задыхающихся петуха и утку.

Между тем беглецы, заметив, что они обмануты, постепенно возвращаются.

В тот момент, когда Сорви-голова, жестикулируя, проходит в ворота, он сталкивается с каким-то линейцем, толкает его и идет дальше, не обратив внимания на галуны сержанта, нашитые на его рукаве, и даже не извинившись. Очевидно, крымское вино сильно подействовало на него.

Унтер-офицер сурово окликает его:

— Эй ты, зуав, разве у тебя в полку не отдают честь старшим?

Артиллеристы, линейцы, охотники, англичане останавливаются, образуют круг и смотрят, забавляясь затруднительным положением зуава, который обманул их.

Сорви-голова пристально смотрит на сержанта, узнает его и кричит, смеясь:

— Ах, в самом деле! Ведь это Леон, мой старый товарищ. Леон Дюрэ, мой однокашник... Как я рад, как счастлив тебя видеть!

Очень бледный, нахмуренный, скривив рот, унтер-офицер отвечает:

— Здесь нет ни товарищей, ни однокашников! Есть только унтер-офицер, которого простой солдат грубо оскорбил. Приказываю тебе сейчас же встать во фронт и отдать мне честь!

Сорви-голова, совсем опешив, не верит своим ушам. Зуавы ворчат, в группе других солдат слышится ропот одобрения. Сорви-голова все еще думает, что с ним шутят, и задышающим голосом спрашивает:

– Ты шутишь, Леон, не правда ли? Мы выросли в одной деревне, поступили вместе на службу, в один и тот же день были сделаны капралами, а потом сержантами... я снял га-луны только для того, чтобы перейти в полк зуавов!..

– Я знаю только, что ты, простой солдат, не извинился за свою грубость и неловкость и не отдал чести старшему чину! Ладно, ты еще услышишь обо мне, зуав!

Завидуя зуавам, этому избранному и популярному во Франции корпусу войск, пользующемуся многими привилегиями, солдаты других армий посмеиваются. Они находят, что сержант отлично прижал этого гордеца и забияку, который посмеялся над ними и присвоил себе их добычу. Товарищи Сорви-головы хорошо знают его, удивляются его спокойствию и тревожатся. Один из них толкает соседа локтем и шепчет:

– Не думай! Он не спустит!

– Не желал бы я быть в его шкуре!

Вдруг Сорви-голова краснеет, потом его бронзовое лицо смертельно бледнеет. Жилы на лбу наливаются кровью и походят на веревки, губы синеют, а голубые глаза принимают стальной блеск.

Его охватывает ужасный гнев.

Отрывистые, резкие слова едва вылетают из стиснутых губов.

– Ах ты, негодяй! – кричит он, забывая всякую меру. – Ты достойный сын негодяя-отца! Я пытался забыть ненависть твоего отца к моему – ненависть плута к честному человеку... но это невозможно! А! Ты хочешь, чтобы я отдал тебе честь? Сейчас я покажу тебе свое почтение, не замедлю! Держись, сержант Дюрэ! Это тебе отдает честь зуав Бургейль, сын старого коменданта Бургейля, эскадронного начальника конных гренадер императорской гвардии...

Жан охотно дал бы пощечину своему врагу, но руки его были заняты. Левой рукой он держит петуха, а правой утку, которая смешно болтается и повисла, как скрипка.

От трагичного до смешного – один шаг.

Но никто не смеется, всякому понятно, что зуав рискует жизнью. Его товарищи спешат вмешаться, но... поздно! С быстротой молнии Сорви-голова поднимает утку, размахивается и ударяет ей по лицу сержанта. Утка весит семь фунтов; удар так силен, что унтер-офицер шатается и падает.

Голова утки осталась в руке Жана, шея оборвалась, а туловище отлетело на десять шагов.

Зуав охотно продолжал бы драку, но ему противно бить лежачего. Впрочем, его гнев сейчас же стихает, когда он видит результаты борьбы, последствия которой – увы! – нетрудно угадать. Сержант с трудом поднимается и садится. Его щека страшно вспухла, раздулась, как тыква. Глаз почер-

нел, налился кровью, из носа ручьем льется кровь. Он вбирает в себя воздух, смотрит на зуава неопишным взглядом, в котором дикая ненависть смешивается с не менее дикой радостью, и говорит:

– Ты верно рассчитал! Я увижу, как тебя расстреляют!

Зрители больше не смеются. Они знают беспощадную суровость военного закона. Казнь через 24 часа, без пощады, без милосердия!

Сорви-голова кажется железным человеком.

Он спокойно поднимает утку, осматривает, не измялся ли его букет и, пожав плечами, говорит:

– Что написано – то написано, что будет, то будет! Пойдем обедать!

Глава II

Семья Буффарик. – Букет отдан по назначению. – Генерал Боске. – Арест. – Смертный приговор. – Тицетные попытки. – Зоря. – Битва. – Пленник. – Часовые. – Бегство. – Жандармы запоздали.

Зуавы отдыхают. В лагере идет чудовищная попойка. Все котлы и котелки дымятся, кипят, шипят и превкусно пахнут. В ожидании хорошего завтрака Жан Сорви-голова отправляется к маркитанту. Очень довольный, нимало не помышляя о своем проступке, он идет горделивой поступью, с обычной зуавам непринужденностью осанки.

Дружеский голос с явным провансальским акцентом звучно приветствует его:

– А, Жан, как живешь? Э! Мой Сорви-голова! Катерина! Жена! Роза, голубка! Тото, мальчик мой, идите сюда! Смотрите! Это наш Сорви-голова!

Это сердечное приветствие исходит от старого сержанта зуавов. Лысый, украшенный медалями, с бородой до пояса, веселый, как птица, этот ветеран африканской армии. Мариус Пинсон Буффарик, чистокровный марселец, маркитант первого батальона. Сомкнутые ряды закусывающих расступились перед Жаном. К нему тянутся руки для пожатия, его приветствуют дружескими возгласами.

– Здравствуй, Жан! Здравствуй, Сорвиголова! Здрав-

ствуй, старый приятель!

Его прогулка похожа на триумфальное шествие. Чувствуется, что этот отчаянный, дьявольски смелый зуав известен всему полку и популярнее любого начальника.

– Ну, иди же! – кричит Буффарик.

– Здравствуйте, дядя Буффарик! Я очень рад видеть вас! – успевает, наконец, сказать Жан.

– Стой! Ты спас нам жизнь, всем четверым... ты для меня самый дорогой друг! Раз навсегда было решено, чтобы ты говорил мне на «ты»!

Да, это правда, и случилось два года тому назад в Кабиле. Сорви-голова спас тяжело раненного дядю Буффарика, спас тетку Буффарик из рук целой шайки разъяренных арабов, после того, как она выстрелила из своих обоих пистолетов, спас Розу, поддерживающую умирающего старика, и двенадцатилетнего Тото, ружьем защищавшего своего отца.

Да, Сорви-голова проделал все это, что было потом прочитано в дневном приказе по армии. Он совершил много подобных подвигов, и для него это была ходячая монета обыденной жизни, которую он не считал и забывал.

Жан Сорви-голова – герой второго полка зуавов – олицетворяет собой их веселую неустрашимость, безграничное самоотвержение так же, как любовь к излишествам и вспышки дикой ярости и гнева.

Бескорыстный и верный друг, душа нараспашку, но порывистый, с пылкой южной кровью! Тетка Буффарик, краси-

вая сорокалетняя эльзаска, подходит к Жану с протянутой рукой, за ней ее дочь Роза, прелестная 18-летняя блондинка. Жан, смущенный, несмотря на весь свой обычный апломб, робко вытаскивает из-за пояса красивый букет, подносит его молодой девушке и говорит тихим дрожащим голосом:

– Мадемуазель Роза, я принес цветы для вас... позвольте ли вы поднести их вам?

– О, с большим удовольствием, мосье Жан! – говорит прелестное дитя, в то время как папа Буффарик смотрит на нее и растроганным голосом бормочет:

– О, молодость, молодость!

– Ну, Жан, – слышится вдруг веселый мальчишеский голос, – ты забываешь меня в моем углу... меня, Гастона Пинсона... дитя второго полка... барабанщика и твоего приятеля...

– Никогда в жизни, мой милый Тото, мой старый барабанщик!

– О, мне сегодня минуло четырнадцать лет!

– Совсем мой портрет! – восклицает отец со своим провансальским лиризмом и после молчания добавляет:

– Жан, будешь пить?

– С удовольствием!

Вдруг раздается крик:

– Стройся! Живо!

Солдаты вскакивают с мест, словно среди них разорвалась бомба. К лагерю зуавов подходит пешком генерал, один, без

свиты. Его узнают и кричат:

– Это Боске, неустрашимый Боске! Боске, обожаемый солдатами! Самый популярный из всех генералов африканской армии. Накануне битвы он запросто, как отец, обходит дивизию, без свиты, без штаба, без церемоний, и это еще больше усиливает его обаяние!

Великолепный и еще молодой солдат! Произведенный в бригадные генералы в тридцать восемь лет, он одиннадцать месяцев тому назад как получил дивизию, хотя ему нет еще сорока четырех лет! Высокого роста, великолепно сложенный, гибкий и деятельный, с красивой энергичной головой, он внушает доверие и симпатию. В его широком жесте, огненном взоре, в звучном гасконском голосе, который гремит как раскаты грома, чувствуется великий вождь, великий знаток человеческого сердца.

Да, он так красив, увлекателен, смел, что вошел в пословицу: Храбр, как Боске. И ничего банального, потому что Боске – герой, который смущается от этого восторга, криков, восклицаний, виватов.

Зуавы волнуются, поднимают руки, бросают в воздух свои фески и кричат во все горло:

– Да здравствует Боске! Виват!

Он хочет знать, хорошо ли поели люди – полные котлы и вкусный запах кушанья успокаивают его. Проходя мимо Буффарика, которого он знает пятнадцать лет, Боске дружески кивает ему и говорит:

– Здравствуй, старик!

Ветеран краснеет от удовольствия и вопит сквозь свою патриархальную бороду:

– Да здравствует Боске!

Когда гордый силуэт любимого генерала исчезает вдаль, он добавляет:

– Какой человек! Как хорошо умереть за него! А пока выпьем за его здоровье!

Он чокается с Жаном и вдруг вскрикивает:

– Что это такое?

Четверо вооруженных зуавов с примкнутыми штыками под командой сержанта приближаются к ним.

– Чтоб им провалиться! Я должен арестовать Сорви-голову! – отвечает сержант.

– А за что?

– Он едва не убил какого-то чертова сержанта... У меня приказ кебира; он клянется казнить Жана в пример другим!

– Это правда, это верно, Жан?

– Это правда! – спокойно отвечает Жан.

– Беда! Бедняга ты мой! Ведь тут военный суд!

– Я иду... что сделано, то сделано! Сержант, я готов!

Тетка Буффарик перепугана, Роза бледнеет, Тото протестует, солдаты волнуются при виде Жана, уходящего, окруженного товарищами, весьма недовольными своей ролью.

Пленника ведут сначала в палатку, где его ждет товарищ, трубач-капрал, по прозвищу Соленый Клюв.

Он в отчаянии и, не находя слов, бормочет сквозь слезы:
– Бедный! Горе какое! Бедняжка!

Сержант отбирает у Жана штык, матрикул, его добрый карабин, верного товарища в битве.

Потом его ведут в центр лагеря к полковнику, большими шагами расхаживающему перед своей палаткой, входная занавеска которой полуприподнята. Внутри за складным столиком сидят три офицера, у стола стоит штабной писарь с пером в руке, готовый писать.

При виде арестованного полковник разражается яростными восклицаниями.

– Как? Это ты? Лучший солдат моего полка, и делаешь подобные вещи!

– Господин полковник! Тут старая семейная вражда, и, кроме того, он оскорбительным образом потребовал, чтобы я отдал ему честь... Я света невзвидел... и ударил его уткой! Как это было смешно!

– А! В самом деле? Ты находишь это смешным, несчастный? Это сержант двадцатого линейного полка, его полковник сейчас же донес все самому маршалу Сент-Арно. Маршал требует железной дисциплины. Я получил приказ созвать заседание военного суда... Ты будешь осужден!

Несмотря на всю свою храбрость, Сорви-голова ощущает легкую дрожь, но скоро оправляется и, чувствуя участие и сожаление в суровых словах полковника, с достоинством отвечает ему:

– Господин полковник, позвольте мне умереть завтра в битве, в первом ряду полка...

– Да, это единственный способ умереть с честью! Ну, иди же, бедный Сорви-голова, судьи ожидают тебя!

Окруженный четырьмя зуавами, пленник вошел в палатку, и занавеска опустилась за ним.

Через полчаса все было кончено. Зуав Жан Бургейль, по прозвищу Сорви-голова, осужден на смерть. Казнь совершится на другой день в полдень.

Беспощадная суровость военного регламента не позволила судьям смягчить приговор. И как смягчить? Послать на каторжные работы, в тюрьму? Нет, все, кто знает Жана, понимают, что для него в сто раз лучше смерть с двенадцатью пулями в груди.

* * *

Ужасная новость поразила весь полк.

Даже судьи были в отчаянии, осудив на смерть этого баковня полка, и проклинали свои законы.

Всякая надежда напрасна.

Кто решится просить о помиловании этого железного человека, который называется Сент-Арно?

Тетка Буффарик плачет, не осушая глаз. Роза, бледная, как мертвец, рыдает. Буффарик бежит, проклиная, горячится и кричит:

– Никогда не найдется зуавов, способных убить Жана! Стрелять в него! О, черт возьми! Я переверну небо и землю, буду просить, умолять... Ведь нас любят здесь!

Он бежит повсюду, пытается просить, хлопотать – и напрасно.

Ночь наступает. Сорви-голова заключен в палатке под охраной четырех часовых, которые должны следить за ним, так как отвечают за него головой.

Буффарик неутомим. В отчаянии он собирает вокруг себя двенадцать старейших сержантов полка, говорит с ними, заинтересовывает их судьбой Жана и кричит своим резким голосом:

– Ну, товарищи, скажите, неужели этот храбрец из храбрецов должен быть казнен как преступник? Нет, нет, гром и молния! Если он осужден, пусть умрет смертью солдата! Пусть падет под неприятельскими пулями, сражаясь за отечество, за нашу старую Францию! Не правда ли? Пойдемте, товарищи, просить у маршала этой милости... этой великой милости!

Делегация была принята маршалом. Измученный лихорадкой, едва оправившись от приступа холеры, главнокомандующий, больной, нервный, остается непоколебим. Как бы то ни было, что бы ни случилось, Сорви-голова будет расстрелян в полдень! Это послужит примером для других.

Ночь проходит, свежая и тихая. Начинает светать.

Начинающийся день будет последним для многих храбре-

цов. Пушка! Веселая заря! Зажигают костры и готовят кофе.

После бессонной ночи Буффарик с красными глазами, задыхаясь, бежит увидеть Жана, сообщить ему ужасную истину, обнять его в последний раз, проститься! Увы! Осужденный не должен видеть никого, даже старого друга, даже Розу, молчаливое отчаяние которой раздирает сердце.

Кофе выпит, мешки сложены, оружие приготовлено. Слышен звук трубы. Дежурные офицеры скачут верхом взад и вперед, роты вытягиваются, батальоны формируются. Через четверть часа полк готов. Все – на местах, никто не может более располагать собой. Буффарик едва успевает встать на свое место, подле знамени. Во главе первого батальона держится тетка Буффарик, в полном параде, одетая в короткую суконную юбку с маленьким трехцветным бочонком на перевязи. На голове у нее шляпа с перьями, к поясу привешен кинжал. Позади едет тележка с военным значком, сопровождаемая Розой и Тото. За повозкой идет мул Саид со своим выюком и огромными корзинами...

Вдали глухо грохочет пушка. Виден белый дымок... Это битва.

Полковник поднимает саблю и кричит команду. Звучат трубы. Две тысячи штыков поднимаются вверх, полк двигается, вытягивается, волнуется, удаляется и исчезает.

Остались только пустые палатки, потухающие костры и около 20 человек инвалидов, охраняющих лагерь.

Осужденный находится в палатке с четырьмя часовыми

по углам, которые удивляются, что жандармы не идут за преступником, и злятся, что не могут принять участие в битве. До последней минуты бедный Жан надеялся, что ему позволят умереть в бою. Увы, нет! Он остался здесь один, опозоренный, забытый, с ногой, крепко привязанной к колу. Родная военная семья уже отвернулась от него как от недостойного, не хочет ни видеть его, ни знать. Скоро придут жандармы и поведут его на позорную казнь как преступника.

Это уже слишком. Вопль вырывается из груди Жана, он разражается рыданиями. Это первый и единственный признак слабости, который он позволил себе. Товарищи, которые хорошо знают его, глубоко потрясены. Они переглядываются и думают про себя, что дисциплина – вещь бесчеловечная.

Один из них машинально протыкает штыком бок палатки. Перед ними Жан с бледным лицом, с полными слез глазами. Герой второго полка зуавов, Сорви-голова плачет, как дитя!

Глухим отрывистым голосом он кричит:

– Убейте меня! Убейте! Ради Бога! Или дайте мне ружье!

– Нет, Жан, нет, бедный друг, ты знаешь – приказ! – тихо отвечает ему товарищ.

Сорви-голова тяжело вздыхает, выпрямляется и восклицает:

– Роберт! Вспомни... Ты лежал, как мертвый... в пустыне... пораженный солнечным ударом... Нас было пятьдесят человек, мы были окружены пятьюстами и отступили, хотя

это не в привычку нам! Ни телеги, ничего... каждый спасал свою шкуру! Кто донес тебя на спине до лагеря? Кто тащил тебя умирающего?

– Ты, Жан, ты, дружище! – отвечает часовой, и сердце его разрывается от скорби.

Сорви-голова обращается к другому:

– А ты, Дюлонг, кто поднял тебя, раненого, когда ты лежал, готовясь к смерти, во рву?

– Ты – мой спаситель, Жан! Моя жизнь принадлежит тебе! – отвечает тронутый зуав.

– А ты, Понтис, – продолжает Сорви-голова, – кто принял за тебя удар в грудь? Кто бросился и прикрыл тебя своим телом?

– Ты, Жан, ты... и я люблю тебя как брата.

Сорви-голова, продолжая это геройское перечисление, протягивает руки к четвертому часовому и кричит:

– Ты, Бокамп, ты умирал от холеры в сарае Варны. Ни доктора, ни лекарств, ни друзей – ничего! Кругом стонали умирающие. Кто оттирал тебя, согревал, чистил и убирал за тобой, желая спасти тебя, кто, умирая от жажды, отдал тебе последнюю каплю водки?

– Я обязан тебе жизнью! – отвечает часовой, глаза которого наполняются слезами.

Все четверо повторяют:

– Наша жизнь принадлежит тебе... Чего ты хочешь?

– Я ничего не хочу... я умоляю... слышите ли, умоляю

во имя прошлого... Пустите меня туда, где свистят пули, где гремят митральезы... где порох опьяняет людей... где звучит адская музыка битвы... пустите меня умереть, если жить нельзя! Товарищи, сделайте это!

Часовые переглядываются и понимают друг друга без слов.

– Ладно, Жан! – говорит Бокамп, резюмируя общую мысль.

– О, дорогие товарищи, спасибо вам, спасибо от всего сердца!

– Жан, мы нарушаем приказ, мы забываем свой долг – но благодарность – тоже священный долг. Мы рискуем для тебя жизнью, но эта жертва нам приятна! Не правда ли, товарищи?

– Да, да, мы побежим туда вместе с тобой, наш Сорвиголова!

– Славная кровь! Казаки жестоко поплатятся! В бой, в бой! – кричит Жан, совершенно преобразившись. – Не теряйте времени, развяжите меня, дайте ружье – и бежим!

Через пять минут пятеро зуавов, прыгая, как тигры, выскакивают из палатки и убегают как раз в тот момент, когда двое жандармов являются, чтобы взять пленника.

Глава III

К знамени. – Человеческая пирамида. – В батарее. – Пли! – Карабин и пушка. – Изумление русских. – Амазонка. – Дама в черном. – Отчаянная битва. – Зуавы верхом. – Пленница. – Неуловимый. – Перед кебиром.

Союзная армия насчитывает около пятидесяти тысяч человек: тридцать тысяч французов под начальством маршала Сент-Арно, двадцать тысяч англичан под командованием лорда Раглана, старого ветерана при Ватерлоо, где он потерял правую руку.

Перед армиями прелестная река – Альма, название которой через несколько часов должна увековечить история.

Правый берег этой реки – доступен, но левый весь в обрывах и откосах, в тридцать метров вышиной и отлично укреплен.

На этих высотах князь Меншиков, главнокомандующий русскими войсками, расположил свою армию, не уступавшую численностью союзной армии. Он считал эту позицию неприступной.

Англо-французская армия должна атаковать эти высоты Альмы, отбить и оставить за собой.

План обоих главнокомандующих очень прост.

Обойти оба неприятельских крыла и врезаться в центр. Англичане зайдут справа, а французы – слева.

Дивизии Боске поручено это круговое наступление, он отвечает за результаты битвы и за спасение армии.

Задача очень трудная, и надо быть генералом Боске, чтобы взяться за нее. Страшно подумать, что надо карабкаться на эти утесы, взять эти укрепления, защищенные пушками и штыками.

Что ни сделает бравый генерал с таким отборным войском! Зуавы, алжирские стрелки, охотники третьего батальона, пехотинцы шестого, седьмого и пятидесятого линейных полков – все отважные, смелые, отчаянные! Атака должна начаться в семь часов утра 20 сентября 1854 г.

Солнце медленно выплывает из-за горизонта, озаряя поразительную и грандиозную картину.

Со стороны французского лагеря барабаны и трубы призывают к знамени. Там, на высотах, русские становятся на колени и поют религиозный гимн, в то время как священники с крестом в руке обходят ряды солдат, окропляя их святой водой.

– К оружию! Битва начинается!

Ровно в семь часов Боске отдает приказ идти в атаку. Его полки переправляются через устье Альмы. Стрелки обмениваются выстрелами с неприятелем.

Генерал хочет скомандовать: «На приступ!» Люди готовы броситься на укрепления. Трубаچی готовятся дать сигнал, как вдруг летит сломя голову дежурный офицер.

– Остановитесь! Стойте! Англичане не готовы!

Надо сдержать порыв солдат, заставить их лечь на землю и ждать, когда господа союзники приготовят свой чай, сложат багаж, рискуя потерять всю выгоду положения!

Кроме того, неприятель на виду, и дивизия, не имея права отступить, рискует быть перебитой или сброшенной в море.

Эти ожидание, гнев, тоска тянутся три смертельно долгих часа, пока союзники спокойно обделывают свои делишки. Дивизия Боске ждет, не смея двинуться вперед или отвечать на выстрелы.

И этот антракт спасает Сорви-голову и его товарищей. Задышавшись, мокрые, измученные, они присоединяются к дивизии и смешиваются с артиллеристами.

Прислуга, лошади, пушки стоят у подножья утеса, в то время как сверху летят гранаты и гремят пушки.

Офицер смотрит на каменную стену и говорит:

– Никогда нам не влезть туда!

Сорви-голова слышит это, подходит, отдает честь.

– Господин лейтенант, – говорит он, – можно поискать до-рогу, тропинку...

– Посмотри, какая крутизна!

– Наверное, есть же какая-нибудь тропинка, надо поискать на склоне. Это похоже на скалы в Кабиле!

– Если бы кто-то нашел тропинку, то оказал бы нам важную услугу!

– Сию минуту, господин лейтенант! Прикажете только дать нам несколько кусков бечевки... лучше фуражных ве-

ревок! — Затем, указывая товарищам на вершину утеса, он кричит: — Человеческую пирамиду! Ну, живо, поворачивайтесь!

Подобные упражнения им знакомы. Они кладут на землю ружья, мешки, амуницию, и Понтис, настоящий Геркулес, прислоняется спиной к скале. Дюлонг влезает к нему на плечи, Роберт становится на обоих и, наконец, Бокамп — на всех троих.

Все это проделывается с такой быстротой и изяществом, что вызывает крик удивления у артиллеристов. Сорви-голова берет веревку, обвязывает ее вокруг пояса и с ловкостью обезьяны карабкается на плечи Бокампа.

Его поднятые руки на высоте почти семи метров. Дальше утес более отлог, и несколько камней образуют выступ. Помогая себе руками и ногами, Сорви-голова успевает подняться еще на три метра.

Радостный крик вырывается из его груди.

— Браво! Здесь площадка!

Он разворачивает веревку, бросает ее вниз одним концом, а другой держит в руках и командует:

— Лезьте! Живо!

Один за другим четверо зуавов с помощью рук поднимаются вверх и становятся подле Жана.

— Мешки и ружья сюда!

Артиллеристы привязывают к веревке все требуемое. Зуавы втаскивают и продолжают подъем.

Через пять минут все они на вершине.

Перед ними расстилается обширная площадь, где можно отлично расположиться и отдохнуть после утомительного восхождения.

Зуавы бегут вперед, не обращая внимания на гранаты, которые поднимают целые тучи пыли.

Площадка кончается обрывом, зигзагами спускающимся вниз. Рискую сломать себе шею, Сорви-голова бросается вниз, летит, как вихрь, попадает в терновник, ругаясь, вылезает из него и оказывается лицом к лицу с генералом Боске и его свитой.

– Откуда ты, черт возьми! – кричит изумленный генерал.

– Сверху, генерал!

– Невозможно!

– Совершенно верно. Я искал дорогу для артиллерии и нашел ее!

– Молодец! Ты сделал это? Живо! Живо! Людей сюда! Расчистить тут, рубить!

В две минуты с помощью топора и сабли тропинка доступна.

– Господин Барраль, – говорит Боске прибежавшему начальнику артиллерии, – следуйте за этим зуавом, узнайте состояние дороги и возвращайтесь!

Начальник идет с Жаном. Они влезают на холм, потом офицер бежит к генералу.

– Генерал, – говорит он, – мы пройдем! Не знаю как, но

пройдем!

Во второй раз Боске кричит:

– Людей сюда! Людей! И орудия! Смирно... без шума! Занять позицию, открыть огонь!

Первое орудие поднимается по откосу. Безумная мысль! Но какое одушевление, какое неистовство! Зуавы, охотники, пехотинцы лезут под лошадей, под лафеты пушек, под фуры и помогают тащить. Все тянут, тащат, поднимаются... Пояса, галстуки, веревки – все пошло в ход. Иногда орудия ползут вниз. Люди колотят лошадей, подкладывают мешки под колеса и лезут, лезут. Эта толпа, задыхаясь, обливаясь потом, перемешивается в одну живую кучу тел, оружия, форм, и все подвигается вперед.

Наконец орудие – на площадке. Вздых облегчения вырывается у людей. Внизу темные группы русских войск.

– Пли! – кричит лейтенант.

Раздается оглушительный выстрел. Офицер следит за гранатой, обрушивающейся на неприятельскую пушку. Пушка валится. Прислуга изувечена.

– Bravo! – восторженно кричат зуавы.

Русское орудие готовится отвечать.

Пятеро зуавов кладут карабины на плечо, прицеливаются.

– Пли! – кричит Сорви-голова.

Раздается пять выстрелов. Пять русских артиллеристов убиты.

Великолепные стрелки!

Французские канониры вновь заряжают пушку, вооружаясь банником.

— Браво, зуавы! — кричит лейтенант.

Они, в свою очередь, заряжают карабины.

Их стальные палочки звенят: глин, глин! Сорви-голова находит даже время сказать офицеру:

— Господин лейтенант, извините за смелость, знаете ли вы, что мой карабин бьет не хуже вашей пушки?

Лейтенант не успел ответить. Налетел целый ураган ядер. Две лошади убиты, четверо солдат ранены. Орудие падает со сломанным колесом.

Спокойно и уверенно канониры заменяют колесо другим. Теперь не до разговоров. Зуавы стреляют без остановок. Наконец появляются другие пушки, занимают позицию.

Раздаются звуки трубы. Эти дьявольские звуки зажигают кровь, поднимают на ноги, заставляют сильно биться сердце, толкают вперед, опьяняют...

Наконец англичане готовы и атакуют с другой стороны. Боске не может сдержать людей. Они бросаются на приступ, цепляются руками и ногами, держатся за камни, растения и лезут... лезут.

— Вперед, да здравствует Франция!

Целая дивизия стоит на площадке, где начинается ожесточенная битва.

Между тем князь Меншиков не хочет верить, что французы на возвышенности, оскорбляет и бранит тех, кто докла-

дывает ему об этом.

Он повторяет исторические слова:

– Это невозможно! Чтобы влезть туда, надо происходить от обезьяны и тигра!

Полагая, что высоты защищены рекой и утесом, он не позаботился охранять их. Меньшиков был так уверен в победе, что пригласил избранное общество из Севастополя посмотреть на поражение французов. Дамы в амазонках гарцуют на великолепных лошадях. Другие, небрежно развалясь в ландо, прикрываются зонтиками. Все они с оскорбительной усмешкой смотрят на французов. Солдаты, смеясь, поглядывают на дам, стараясь, чтоб пули не задевали их.

Одна из дам, в строгом черном туалете, поражает своей красотой и выражением глубокого презрения. Бесстрастная и надменная, среди пуль и ядер, она кажется воплощением ненависти и гордости. Мужик с длинной бородой, в розовой рубахе, правит великолепными лошадьми, которые храпят и встают на дыбы среди дыма выстрелов, и рельефно выделяется мрачная, гордая фигура женщины, словно адское божество среди облаков.

Сорви-голова замечает презрение на лице дамы и говорит товарищам:

– Если бы нам захватить эту даму в черном! Ее манеры мне не нравятся! Это было бы отлично, прежде чем вернуться в полк!

– Хорошая мысль! – кричит Понтис. – Но ведь нужны ло-

шади! Зуавы на лошадях – вот умора!

– Погоди! Вот и лошади, остается только выбрать получше! Смотри вперед и валяй прямо на кавалерию!

Пораженный Меншиков наконец замечает опасность положения. Как человек энергичный и решительный, он хочет, не медля, раздавить французскую дивизию, призывает резерв, пехоту, кавалерию, конную артиллерию – лучшее войско и посылает их на Боске. В то же время он приказывает жечь все фермы, аулы, мельницы, виллы, чтобы лишить всякой защиты стрелков, нанесших ему большой урон. У Боске шесть тысяч пятьсот человек солдат, десять пушек и ни одного кавалериста! Он должен выдержать атаку двадцати тысяч русских и пятидесяти пушек!

Битва ожесточается. Маршал посылает к Боске дежурного офицера с приказанием держаться как можно дольше. Боске, видя, что гранаты уничтожают его лучшую дивизию, отвечает:

– Скажите маршалу, что я не могу продержаться более двух часов.

Артиллерия держится стойко. Первая батарея потеряла около сорока человек и половину своих лошадей, вторая пострадала не меньше.

Обе батареи находятся пол прикрытием двух рот Венсенских стрелков, которые выдерживают адский огонь.

Среди грома выстрелов слышны звуки труб.

В русском войске трубят атаку. Целый полк гусар броса-

ется на батареи, чтобы отнять или заклепать орудия.

– Стреляй! – кричат батарейные командиры.

Батальон зуавов пробегает гимнастическим шагом.

Подле первого орудия стоит Сорви-голова и четверо его товарищей, спокойные и веселые. Гусары налетают, как молнии.

– Взвод – пли! Рота – пли! Батальон – пли!

Карабины и пушки гремят. Целая туча дыма, в которой исчезают друзья и враги, лошади и люди.

Потом крики, стоны, проклятья, жалобы, лязг металла и отчаянное беспорядочное бегство великолепных гусар, численность которых уменьшилась наполовину.

Геройская атака, яростное сопротивление, раненые, умирающие – противники достойны друг друга!

В момент столкновения зуавы колют штыками ноздри гусарских лошадей, сбросивших всадников. Животные, остановленные на полном скаку, встают на дыбы.

Пользуясь этим, зуавы схватывают их за повод и с ловкостью клоунов вскакивают в седло. В это время гусары делают объезд и возвращаются снова. Лошади, пойманные зуавами, рвутся в свой полк, но зуавы бьют их ножнами штыков, попускают голосом, ногами и несутся в галоп, крича, как арабы: вперед! вперед!

Все это так неожиданно, что канониры, охотники, линейцы восторженно кричат:

– Браво! Браво, зуавы!

Какой-то капитан добавляет:

– Честное слово! Можно поклясться, что это Сорви-голова!

Зуавы подлетают к коляске, в которой сидит дама в черном. Раздается восторженный крик товарищей:

– Да здравствует Сорви-голова!

Через две минуты коляска окружена.

Сорви-голова вежливо кланяется даме в черном, прекрасное лицо которой искажено яростью, и говорит:

– Сударыня, я обещал себе захватить вас! Вы – моя пленница!

Дама в черном бледнеет еще более, глаза ее мечут молнии. С быстротой мысли она хватает лежащий возле нее пистолет, стреляет в Жана и говорит глухим голосом:

– Я поклялась убить первого француза, который со мной заговорит!

Голос ее прерывается, жест – ужасен, но результат плачевен.

Курок шелкнул. Осечка!

Зуав кланяется еще почтительнее и говорит:

– Успокойтесь, сударыня! Я – неуязвим! Судите сами: я осужден на смерть и ускользнул от нее два раза. Пуля, которая меня убьет, еще не отлита. Потрудитесь следовать за нами!

Скрепя сердце, дама в черном покоряется своей участи и говорит несколько слов своему кучеру. Привыкший к пас-

сивному повиновению, крепостной щелкает языком, и лошади направляются к французским линиям.

Через пять минут странная пленница со своим не менее странным эскортом въезжает во второй полк зуавов. Это появление возбуждает настоящий энтузиазм. С воспаленными глазами, с почерневшими от пороха лицами, солдаты единодушно приветствуют товарищей и радуются их триумфу.

Поезд останавливается перед полковником, который, верхом на лошади, стоит подле знамени, окруженный адъютантами.

В этот момент шлепается граната, разрывается и осыпает людей целым ливнем осколков. Лошадь полковника убита наповал. Русский кучер падает с раздробленным черепом, дама в черном вскрикивает и лишается чувств. Зуавы хватают и держат лошадей, в то время как полковник, не получивший даже царапины, спокойно говорит Сорви-голове:

– Это ты... мошенник? Что ты тут делаешь?

– Господин полковник, я вам привел другую лошадь... Смею извиниться, что упряжь ее не в порядке!

– Хорошо! Ступай же, ступай в роту на свое место и постарайся, чтобы тебя убили!

– Господин полковник! Как вы добры! А мои товарищи?

– Такие же негодяи! Пусть идут с тобой. Скажи, чтобы пленницу отвезли к доктору!

Зуавы, спокойно стоя под огнем, отдают честь полковнику, делают поворот и уходят к себе в роту, увы, очень поре-

девшую.

Они проходят мимо обрадованного трубача, который спрашивает их.

– Очень просто, – отвечает Дюлонг, – мы сторожили лагерь, а потом видим, какой тут лагерь! – бросили его и убежали.

– Потом, – добавляет Сорви-голова, разрывая зубами патрон, – мы служили в разведчиках, в артиллерии, в кавалерии, а теперь сделались пехотинцами! Пойдем, мой старый карабин, пойдем работать!

Глава IV

*Во время битвы. – Жажда. – Аристократка и марки-
тантка. – Тайна. – Англичане. – В итьики. – Полууспех. –
Башина телеграфа. – Сорви-голова водружает знамя. – По-
беда при Альме.*

Вверху, на высотах Альмы, перед лицом грозной смерти, солдаты мучаются жаждой. Ужасная, мучительная жажда во время битвы! Волнение, опасность, шум выстрелов, удушливый дым, порох, остающийся на губах, так как патрон разрывают зубами, – все это производит лихорадку и горячит кровь. В ушах шумит, глаза краснеют, голова горит, рот высох... Зуавы отдали бы жизнь за глоток воды.

Но котелки пусты. Солдаты кусают пули, сосут камни, траву, чтобы утолить жажду.

– А! Тетка Буффарик! Мы – спасены!

Спокойная, проворная, ловкая, невозмутимая под выстрелами, появляется маркитантка с полным котелком. Но это не вода! Это водка – молоко тигра!

– Тетка Буффарик! Стаканчик! Умоляю!

– Пей, милый, сколько хочешь!

Она быстро повертывает медный кран бочонка, наполняет стакан и подает.

– Уф! Я словно огня выпил!

Маркитантка торопится подать другим.

- Тетка Буффарик! У меня угли в горле!
- Поскорее мне!
- Вот, пей, голубчик!
- Спасибо, держи деньги!
- Некогда получать... касса заперта... после заплатишь!
- А если меня убьют?
- Тем хуже для тебя! Иди и не беспокойся!

Маркитантка спокойно двигается, не обращая внимания на жужжание пуль, на летящие ядра, проворная, улыбающаяся, смелая, благодушная.

Мало-помалу бочонок пустеет. Тетка Буффарик снова идет наполнить его. Неподалеку, позади полка, подле походного лазарета, стоит мул Саид с двумя бочонками. Тут же доктор Фельц, Роза и Тото.

В одном из бочонков – ром для солдат, в другом – свежая вода для раненых.

С ловкостью и самоотверженностью Роза помогает врачу, который роется в окровавленной массе изувеченных тел и поломанных костей.

Бедные раненые! Они прибывают ежеминутно.

Страшное зрелище представляет из себя этот уголок поля битвы, где вместо росы трава обрызгана кровью, где трепещут умирающие, где гордая веселая молодежь в последней агонии призывает слабеющим голосом свою мать, переносясь душой в золотые безоблачные дни детства!

Тетка Буффарик подходит к своему мулу в тот момент,

когда ландо с бесчувственной дамой в черном останавливается у лазарета. Не зная ничего о подвигах Сорви-головы, она не понимает, откуда взялась эта незнакомка, но ее доброе сердце сжимается при виде неподвижно лежащей женщины, бледной, как смерть, быть может, мертвой.

Маркитантка подходит ближе, замечает, что незнакомка дышит, и быстро расстегивает ее бархатный лиф, причем из-за лифа падают на землю тщательно спрятанные бумаги.

Зуав поднимает их в то время, как маркитантка натирает водкой виски незнакомке. Дама открывает глаза, приходит в себя и при виде французской военной формы делает гневный жест, отталкивает тетку Буффарик, видит свои бумаги в руках солдата и кричит:

– Эти бумаги... дайте их сюда... они мои... возвратите мне их!

– Ну, уж нет! – возражает зуав. – Я, слава Богу, знаю свою обязанность и передам их полковнику, а он отдаст их главнокомандующему. Так будет лучше!

– Я не хочу! Вы не смеете!

Дама в черном волнуется, нервничает, кусает губы, и тетка Буффарик спокойно замечает ей:

– Бросьте, не портите себе кровь! Вы должны принять что-нибудь укрепляющее... Не надо гримасничать, я говорю от сердца!

– Нет! – отвечает сухо незнакомка. – Я ничего не возьму от французов... врагов моей родины!

Ее большие глаза, похожие на черные алмазы, внимательно смотрят на ужасную грудку распростертых тел, и выражение дьявольской радости появляется на ее прекрасном лице.

В это время появляется Роза со стаканом воды и говорит своим нежным музыкальным голосом:

– Но врагов великодушных, сударыня, которые перевязывают ваших раненых, как своих, братски заботятся о них...

Беленькая, с нежным румянцем на щеках, молодая девушка просто очаровательна. Просто одетая, с трехцветной кокардой на соломенной шляпе, прикрывающей роскошные волосы, она пленяет и чарует своей грацией и изяществом, Незнакомка долго и внимательно разглядывает ее, очарованная голосом и ласкающим взглядом девушки. Ее охватывает странное волнение. Что-то бесконечно грустное и нежное шевелится в ее душе...

Глаза незнакомки смягчаются и увлажняются слезами.

– Да... – бормочет она едва слышно, – это верно! Она была бы в ее летах... с такими же золотистыми волосами, с глубокими глазами... с таким же нежным цветом лица... с такой же благородной осанкой... Все это не похоже на марки-тантку!

Видя, что молодая девушка смотрит ей в глаза, незнакомка нежно прибавляет:

– От вас, дитя мое, я охотно приму стакан воды!

Она жадно пьет воду, не отрывая взора от Розы. Забыв о битве, о выстрелах, о столах раненых, забыв, что она плен-

ница, забыв свою ненависть, дама спрашивает:

– Как вас зовут, дитя мое?

– Роза Пинсон, сударыня!

– Роза! Прелестное имя, и так идет вам! Где вы родились?

Откуда ваши родители?

Тетка Буффарик, несколько подозрительная, прерывает ее:

– Мой муж из Прованса, я из Эльзаса, моя дочь родилась там же. Только мне, сударыня, некогда, я сейчас должна нести воду зуавам, а Розу ждут раненые... Прощайте, сударыня!

Незнакомке не хочется отпустить Розу. Ощущая настоятельную необходимость установить связь между собой и девушкой, оставить в ее сердце воспоминание о разговоре, она снимает роскошную брошку, украшенную черными алмазами, поддерживающую воротник, и, подавая ее Розе, говорит:

– Возьмите это от меня на память!

Молодая девушка краснеет, отступает и с достоинством отвечает:

– За стакан воды? Что вы, сударыня!

– На поле битвы стакан воды стоит целого состояния!

– Но ее мы даем всем... Даже неприятелю...

– Вы горды! Позвольте пожать вам руку!

– От всего сердца, сударыня! – отвечает Роза, протягивая ручку, которой позавидовала бы любая герцогиня.

В этот момент является адъютант с приказанием обыскать

карету и привезти к генералу даму в черном. Нежная, но сильная рука крепко сжимает руку Розы.

Девушка вздрагивает, чувствуя ее мраморный холод. Коляска уезжает, и незнакомка, глаза которой следят за изящным силуэтом Розы, бормочет:

– Да! Ее лета. Она была бы так же горда и прекрасна. Будь проклята Франция! Будь вечно проклята!

Битва в полном разгаре. Дивизия Боске видимо тает.

Бесстрастный с виду, но очень бледный, генерал считает минуты. Через короткое время он будет окружен. Остается одно средство – наступление, чтобы дать дивизии вздохнуть свободно, чтобы прорвать этот круг железа и огня.

Если это не поможет, погибнут все до последнего солдата!

Дежурные офицеры окружили его и ждут приказаний.

– Ну, господа, прикажите командовать на приступ!

Офицеры летят галопом под огнем, чтобы передать приказание командирам корпусов.

Вдруг Боске вскрикивает, лицо его просияло.

– Англичане! Пора!

Это ожидаемая им дивизия – но с каким опозданием! Вдали, в пороховом дыму, озаренные пламенем пожаров, видны английские войска.

Великолепные пехотинцы идут сомкнутыми рядами словно на параде, стройно, ровно, считая шаги.

Грандиозно, красиво, но – нелепо!

Почему не развернуть фронт подальше от пушек? Почему

не раздробить войска, оберегая их от выстрелов?

Русские артиллеристы хорошо работают. В четверть часа третья часть наличного состава солдат на земле.

Неустрасимые английские солдаты все-таки перешли Альму и грозят правому крылу русских.

В дивизии Боске слышится команда:

– Мешки наземь! В штыки! Барабанщиков и трубачей сюда! На приступ!

Раздается звук трубы под аккомпанемент барабана.

Люди рвутся в бои. Зуавы и Венсенские стрелки идут впереди.

Русские стоят неподвижно, подняв штыки. Вдруг все замирает. Трубы и барабаны замолкли. Несколько минут царствует гробовое молчание.

– Да здравствует император! Да здравствует Франция! – вырывается восторженный крик из пяти тысяч грудей.

Русские отвечают стрельбой.

Французы, прыгая, как тигры, бросаются на человеческую стену. Перед ними рослые молодцы в плоских фуражках, одетые в серые шинели и большие сапоги.

Ужасающее столкновение! Лязг металла, проклятия, стоны, вопли, рыдания.

Спокойные, терпеливые, хорошо дисциплинированные, эти русские великаны, в усах и с баками, стоят плотной стеной под натиском неприятеля.

Удивляясь храбрости русских солдат, Наполеон сказал:

«Убить их – это мало! Надо заставить их упасть!»

Первая линия прорвана, уничтожена, за ней стоит другая, готовая к битве...

Охотники, зуавы, линейцы, опьяненные кровью и порогом, налетают как ураган.

Русские не сдаются и не бегут, а умирают на месте.

В несколько минут Владимирский полк потерял своего полковника, трех батальонных командиров, четырнадцать капитанов, тридцать лейтенантов и тысячу триста солдат, убитых и раненых. Из Минского и Московского полков была половина наличного состава людей.

В центре дивизия Канробера захватила все неприятельские позиции.

Медленно, шаг за шагом, русская армия отступает к стратегическому пункту, известному под названием «телеграф».

На возвышенности, окраины которой защищены насыпями, высится деревянное здание, выстроенное из досок, соединенных перекрестными брусками.

Тут хотели устроить сигнальный телеграф, от этого и возвышенность, и башня получили свое название.

Снова разгорается битва, ужасная, ожесточенная. По блестящему плану Боске, вперед выдвигается резервный полк алжирских стрелков.

– В штыки!

Стрелки отчаянно бросаются вперед.

Обманутые восточным видом и голубой формой стрел-

ков, русские принимают их за турок и презрительно кричат:
– Турки! Турки!

Иллюзия их кратковременна, но жестока. Одним прыжком стрелки перескакивают траншею, насыпи и попадают в середину русских.

Брешь готова. Зуавы, охотники и линейцы стремительно бросаются в нее, в то время как стрелки, расширяя брешь, вопят во все горло:

– Турецкие макаки! Вот вам и стрелки!

Храбрые африканцы сделались героями последней битвы, которая все еще продолжается благодаря непобедимой стойкости русских.

Жажда крови охватила всех людей. Всюду идет бесчеловечная резня! Стреляют друг в друга, протыкают штыками, убивают пулями или просто прикладами ружей.

Обезоруженные солдаты душат, давят, кусают врагов. Всюду мертвые и раненые.

Вокруг башни отчаянная борьба. Вверху развевается русский флаг, пока не найдется смельчака, который водрузит там французские цвета.

Многие, кто пытался сделать это, погибли. Много смельчаков было убито, когда лейтенант Пуадевин, тридцать девятого линейного полка, успел добраться до первой площадки, взмахнул знаменем своего полка и упал мертвый. За ним последовал фельдфебель Флери. Пуля опрокинула его.

Тогда полковник зуавов хватает знамя одной рукой, а дру-

гой держит свою саблю и кричит:

– Сюда... храбрецы второю полка! Туда... вверх... гром и молния! Там должно быть знамя зуавов!

Пятьдесят человек готовы заслужить почетную, но неизбежную смерть.

– Мне, господин полковник, я! – кричит громовой голос, заглушающий перестрелку.

– Это ты, Сорви-голова?

– Я, господин полковник, но мои товарищи... умоляю вас... я осужден, но если...

– Ступай, Сорви-голова! – просто говорит ему полковник, передавая знамя.

На пути его останавливает чья-то грубая рука, и голос провансальца гудит ему в ухо:

– Голубчик, ты храбрец из храбрецов!

– Буффарик! Мой старый... За Францию! – и, наклонясь, он добавляет вполголоса: – за Розу!

Жан быстро лезет по лестнице. Пули свистят вокруг него, ударяясь в перекладыны. Вот он на первой площадке. Раздается сразу 500 выстрелов. Он смеется, показывая свои великолепные зубы, и кричит во все горло:

– Да здравствует Франция!

Потом он лезет все выше и выше, окруженный тучей пуль.

Вот он вверху, на второй площадке, и его гордый силуэт отчетливо рисуется на голубом небе. Раздаются восторженные крики. Еще последний залп. Французы вздрагивают.

Одним ударом ноги Сорви-голова сбрасывает русское знамя, которое падает вниз, как подстреленная птица, потом развевает трехцветное знамя, победоносно развевающееся на ветру.

– Молодец! – кричит восхищенный полковник.

Солдаты, столпившиеся у подножия башни, надевают шапки на острия штыков и машут ими в воздухе. Восторг разражается громовым «ура». Выстрелы умолкают, словно появление французского знамени убило всякую надежду в сердцах русских.

В это время трубач во всю силу своих легких трубит сбор к знамени. Раздается победный звук труб... Барабаны громко возвещают победу на Альме.

Глава V

Ссора монахов. – Претензии русских. – Союз. – Объявление войны. – Силистрия и Варна. – Холера. – В Крыму. – Маршал Франции и русская княгиня. – Шпионка или патриотка? – Алмазное кольцо. – Стакан шампанского. – Переодевание. – Бегство.

Европа в огне! Франция и Англия в союзе с Турцией воюют с Россией. Ожесточенная война обещает быть долгой и убийственной. Она загорелась там, на окраинах далекого Востока, под лучами горячего солнца, среди прекрасной природы. Где искать причину войны? Поводом, скорее предлогом к ней, послужила ссора монахов, столкновение клобуков.

Настоящая причина – это претензии России, которая с давних пор мечтает о свободном выходе через Черное море в океан. Черное море по праву должно принадлежать ей.

Турки, мусульманская нация, владеют «святыми местами», которые охраняются общинами латинских и греческих монахов. Каждая из общин имеет свои прерогативы и свои права. Греки, – а главою греческой церкви считается русский император, – мало-помалу оттеснили латинских монахов, так что последние лишились одного из наиболее почитаемых святынь. Франция считается официальной покровительницей латинских, или римских, монахов, которые послались на ее поддержку. Франция заявила султану о неспра-

ведливости, но Россия заступилась за греков и показала зубы.

Турция испугалась и указом одобрила поступок греков. Это решение Порты подняло серьезный политический вопрос. Старались уладить конфликт дипломатическим способом, разбирая со всех сторон вопрос, который скоро сделался общеевропейским.

Пока дипломаты спорили, Россия вооружалась, император Николай I успокаивал Англию, предлагая ей разделить Турцию и подарить Египет.

В разговоре с английским посланником Николай I выразился очень энергично и красиво, назвав Порту «больным человеком». Это выражение стало историческим.

– Человек больной умрет своей смертью, – сказал он, – будем же готовы наследовать ему!

Англия, однако, почему-то отказалась от подарка.

Вопрос о «святых местах» не подвинулся вперед. Положение осложнилось назначением князя Меншикова русским посланником в Константинополе. Этот генерал, очень заслуженный человек, был плохим дипломатом и поступал слишком резко и решительно.

Меншикову приказано было решить вопрос, и он предложил султану условия, совершенно унижавшие силу и достоинство Турецкой Империи (21 мая 1843 г.). Чаша переполнилась. Абдул-Меджид отказался, а Меншиков сказал дерзость министрам и уехал в Петербург.

– Удалось ли тебе дело? – спросил его император.

– Да, государь, «je suis sorti en claquant la Porte!»¹ Этот каламбур заставил русского монарха смеяться до слез.

Понятно, что война была неизбежна.

Тогда Англия, Австрия, Франция и Пруссия устроили в Вене знаменитую конференцию, которая должна была помещать войне. В ответ на это вмешательство держав Николай I захватил все дунайские провинции.

Недовольная Англия присоединилась к Франции, чтобы остановить Россию, грозившую европейскому равновесию.

30 ноября 1853 г. Россия уничтожила турецкий флот в Синопе. Очевидно, русский император желал войны. Однако Англия и Франция, к которым присоединился Пьемонт, ждали до следующего года.

Только 27 марта была объявлена война России. Маршал де-Сант-Арно был назначен главнокомандующим французской армии, отплыл 27 апреля 1854 г. в Марсель и 7 мая прибыл в Галлиполи.

Лорд Раглан, старый ветеран Ватерлоо, командовал английской армией. Соединенные флоты Франции и Англии, под командой адмиралов Гамелина и Дундаса, перевезли войска и материалы, готовясь к долгой кампании. Странное зрелище представляли английские корабли рядом с трехцветным французским знаменем!

Прибыв в Галлиполи, узнали, что семидесятитысячная

¹ Я ушел, хлопнув Порту, – Porte – дверь (porte).

русская армия под командованием генерала Паскевича осаждает Силистрию – крепость, прикрывающую Дунай.

Тогда Сент-Арно ведет войска в Варну, чтобы настигнуть русских перед Силистрией. Переезд занимает не мало времени. В тот момент, когда французские войска готовятся покинуть Варну, было получено известие, что генерал Горчаков, занявший место Паскевича, снял осаду после жестокой бомбардировки и ушел (23 июня 1854 г.). Этот поступок русских приводит в отчаяние маршала. Действительное ли это отступление, или ловушка? Нужно ли сконцентрировать войска в Бухаресте? Маршал нисколько не доверяет Австрии. Что делать? Ждать?

Среди всех этих колебаний и беспокойств вдруг появляется страшный бич – холера. Болезнь охватывает Пирей, Галлиполи, Константинополь, Варну.

Сент-Арно решается идти в Добруджу, надеясь задержать русских. Но русские уходят, избегая холеры, которая опустошает обе армии. В две недели французские войска потеряли три тысячи человек. А сколько больных, выздоравливающих! Тогда маршал решил атаковать русских в Крыму, уничтожить Севастополь, эту страшную и таинственную твердыню, прикрывающую собой южную Россию.

Эпидемия заметно ослабела. Необходимо было соединить войска, добыть продовольствие, короче – организовать экспедицию.

Французские войска отплыли из Варны в Крым 1 сентяб-

ря 1854 г. Около четырех месяцев находились они на Востоке, потеряв три тысячи пятьсот человек, так и не увидав неприятеля. 14 сентября союзная армия высадилась близ Евпатории, 19-го пустилась в дальнейший путь, расположилась лагерем между Булганакон и Альмой и 20-го одержала победу на реке Альме.

Такова, в общих чертах, история этой знаменитой кампании, где было пролито столько крови, вынесено столько страданий, совершено столько героических подвигов с обеих сторон, где враги научились понимать и уважать друг друга.

Торжествующий маршал отправил императору и военному министру длинную телеграмму. Измученный, нервный главнокомандующий нуждается в отдыхе, уходит в свою палатку, состоящую из трех отделений: салона, столовой и спальни, убранных складной мебелью. Очень воздержанный, не пьющий ничего, кроме воды, маршал, однако, поддерживает себя теперь только шампанским. Он падает на свою постель, но дежурный докладывает ему о приходе сержанта Лебрэ в сопровождении дамы. Маршал хорошо знал старого солдата, верного, честного служаку.

– Что случилось, мой друг? – спрашивает главнокомандующий ласковым тоном.

– Господин маршал! Зуавы захватили шпионку... окружили коляску верхом на лошадях...

– Верхом? Зуавы? Сумасшедшие! Так шпионка?

– Я нашел при ней важные бумаги – она заслуживает, что-

бы ее расстреляли! Кроме того, она предлагала мне две тысячи франков, если я отпущу ее!

– Ты, конечно, отказался? Лебрэ, я очень доволен тобой!

– Это мой долг, господин маршал!

– Подай мне бумаги!

Маршал просматривает их и ворчит:

– Негодница! Жалкие изменники! Приведи эту женщину и держись недалеко от палатки!

Лебрэ уходит и возвращается с дамой в черном.

Маршал думал, что имеет дело с какой-нибудь авантюристкой, и приготовился встретить ее. Но при виде незнакомки, которая идет гордой поступью, при виде ее благородной аристократической фигуры он удивленно встает и восклицает:

– Как! Это вы, княгиня? Вы?

– Да, я, маршал!

– Вы, которую удостаивала своей симпатией императрица Франции, вы – лучший друг моей жены? Вы – идол всего Тюльери?

– Да, маршал!

– Вот как мы свиделись! При каких ужасных, трагических условиях!

– Трагических для моего дорогого отечества... для святой Руси!

– И тяжелых для вас, княгиня!

– Это правда: я – ваша пленница!

– Положим, мы не воюем с женщинами, но вы – в подозрении, скажу правду, вас подозревают в шпионстве, а шпионство не имеет пола.

– Фи, маршал! Какое гадкое слово! И вы говорите это мне, невестке князя Меншикова, русского генерала и главнокомандующего?

– Но... княгиня, как прикажете назвать это? Я имею в руках доказательства!

– Я люблю, я обожаю мое отечество! Я – русская с головы до ног, до последней капли крови! До самой смерти!

– Это очень почтенное чувство, и я уважаю его в вас, но...

– Но я – женщина! Не могу воевать, не могу встать во главе эскадрона... испытывать дикую радость... опьянение кровью врагов, позорящих землю моей родины...

– Да, – холодно прерывает ее маршал, – вы предпочитаете пистолетам – наполеондоры, или золотые рубли по-вашему. С помощью денег вы собираете нужные сведения о нашей армии?

– Разве это преступление? Говорите и делайте, что хотите, но повторяю вам: я – патриотка, но не шпионка!

– Бог мой! Сударыня, название тут ни при чем! Патриотка, пожалуй, опаснее шпионки, особенно если она молода, прекрасна, богата и смела!

– Эта любезность неуместна, маршал!

– Истинная правда, княгиня! И эта патриотка покупает совесть солдат, измену офицеров, наносит бесчестие нашей

армии... Не отрицайте, княгиня! У меня в руках список имен, чинов и полков... сведения, которые сообщили вам эти предатели! Я прикажу арестовать, судить и казнить их!

– Вы велите расстрелять меня?

– Следовало бы! Я ограничусь тем, что вышлю вас во Францию и запру в крепость до окончания войны!

Маршал встал с места и зашагал назад и вперед.

Дама в черном, спокойная с виду, смотрит на него со странным выражением ненависти и иронии.

Подле нее, на столе, стоит бутылка шампанского и полный бокал. На пальце княгини блестит перстень с большим алмазом. Этот алмаз свободно двигается и герметически закрывает собой маленькую впадину.

Княгиня осторожно и незаметно сдвигает его, и, пользуясь моментом, когда маршал поворачивается к ней спиной, делает быстрый жест рукой над бокалом.

Бесцветная капля падает из кольца в бокал и смешивается с вином.

Маршал ничего не замечает, не подозревает. В эту минуту слышен быстрый галоп лошади и голоса. Дежурный солдат кричит:

– Адъютант его превосходительства милорда Раглана просит немедленного свидания с господином маршалом!

– Иду! – отвечает маршал. – Княгиня, извините, я на минуту!

Дама в черном кивает головой. Маршал, чувствуя сла-

бость, берет бокал с вином, выпивает его и уходит.

– Деша вашему превосходительству, – говорит по-английски молодой звучный голос. – Мне приказано передать вам и ждать ответа!

– Хорошо, лейтенант!

– Им нужно не менее десяти минут! – шепчет княгиня. – Время дорого! За дело! О, как хорошо отомстить за себя, оскорбить и убить врага!

Она вынимает из кармана перочинный нож, прорезает отверстие в полотне палатки.

Ей ясно виден адъютант Раглана, молодой, красивый шотландец. Дьявольская усмешка искажает ее прекрасное лицо. Она отходит и оглядывается. Никого! Никто не видит ее. На шкатулке лежит дорожное клетчатое покрывало.

С удивительной ловкостью княгиня расстегивает и снимает свою атласную юбку. Оставшись в короткой юбке и русских сапогах, она быстро отрывает полотнище покрывала, прикрывает им свою юбку, что делает ее похожей на шотландский костюм, а остальной кусок ткани перекидывает через плечо в виде пледа. С лихорадочной поспешностью она обрезает поля своей фетровой шляпы и делает ее похожей на шотландскую шапочку.

Это переодевание продолжается не более четырех минут. В соседнем отделении оживленно беседуют маршал и адъютант.

Чтобы дополнить свое превращение, княгиня вынимает

карандаш, которым светские дамы подрисовывают себе брови и ресницы, и кладет легкую тень усиков на верхнюю губу. Готово! Поразительно по ловкости и хладнокровию.

Затем она прорезает ножом отверстие в задней части палатки, высовывает голову и смотрит.

С этой стороны нет никого. Только привязанные лошади кусаются и бьют копытом. Княгиня берет со стола сигару, закуривает ее, пролезает в отверстие и, подражая надменной осанке английских офицеров, подходит к лошадям.

Верный сторож Лебрэ медленно ходит взад и вперед перед палаткой маршала. Ему поручено сторожить даму в черном и некогда заниматься каким-то офицером в юбке, форма которого кажется ему смешной. Он отворачивается и продолжает свою прогулку. Княгиня отвязывает лошадь, вскакивает в седло и уезжает рысью, пока часовые отдают ей честь.

В этот момент маршал де Сент-Арно упал без чувств. Прибежавший штабной доктор оказал ему первую помощь. Найдя состояние больного серьезным, он распорядился послать за главным врачом.

Мишель Леви, личный друг маршала, совершенно расстроенный, заключил:

– Холера или отравление! Маршал не проживет и недели. Он погиб!

Глава VI

После битвы. — Среди неприятеля. — Раненый лейтенант. — Снова дама в черном. — Выстрелы. — Отчаянная погоня. — Мертвая лошадь. — Засада. — Французский главный штаб в опасности. — В сетях. — Бравада. — Под кинжалом.

Битва продолжалась недолго. В половине шестого все было кончено. Неприятель отступил. Все заняты ранеными, которые громко стенают и жалуются. Между ними много русских. Бедняги уверены, что для них наступил последний час. По опыту зная дикую жестокость турок, русские думают, что союзники обладают такими же кровавыми наклонностями.

Когда к ним подходят носильщики и лазаретные служители с окровавленными руками, несчастные смотрят на них с ужасом. Окровавленные и изувеченные, они покорно подставляют шею и просят покончить скорее. Но французы ласково наклоняются над ними, осторожно поднимают их, дают пить, говорят несколько участливых слов. Одному подают стакан воды, другому перевязывают искаленную ногу, там — вытирают запекшуюся кровь или очищают наполненный землей и пеной рот.

Большая часть раненых начинают рыдать, как дети. Некоторые крестятся...

— Эх... дружище... тебя славно зацепили... что поделаешь! Война... сегодня — ты, завтра — я. Бодришь! Выпей гло-

ток! Доктор живо поправит тебя!

Раненый не понимает слов, но угадывает смысл.

Печальная улыбка появляется на бледных губах, которые шепчут:

– Добрый француз!

Спаситель-француз ласково отвечает:

– Добрый Москов!

Эти четыре слова делают основой всех разговоров между врагами. Такие сцены повторяются на каждом шагу. Медленно, шаг за шагом, тянутся печальные носилки к походному лазарету. Поле битвы снова оживает. Зуавы ищут Там брошенные мешки со своим скромным хозяйством. Там – пакет с табаком, трубка, несколько безделушек, письмо с родины... Солдаты веселы нервной лихорадочной веселостью людей, избежавших смерти. Курят, поют, шутят. Один из зуавов свистит и кричит: – Сюда! Азор! Иди сюда, лентяй!

Азор – это название мешка. Но Азор не идет.

Его находят среди других мешков, потерявших своих хозяев.

– Азор – сирота! Сиротка! – говорит один солдат, и в голосе его слышатся слезы.

Вдруг раздается долгий печальный вой.

– Постойте! Это настоящий Азор воет... надо посмотреть!

Сорви-голова и его неразлучные товарищи вышли из боя без малейшей царапины. Они стоят теперь около батареи. Тут какая-то каша из людей, лошадей, сломанных орудий.

Трупы русских кавалеристов, пехотинцев, артиллеристов лежат кучами, свидетельствуя об ожесточенности битвы. Заслышав вой, Сорви-голова подходит ближе и находит собаку-грифона, старающуюся лапами и зубами разгрести груды трупов.

Собаке не удается это, она визжит, потом поднимает морду вверх, издает протяжный вой, затем снова возобновляет попытки. При виде зуава собачка настораживается и показывает острые зубы.

– Ах ты, моя храбрая собачка! Мы будем друзьями! – ласково говорит ей Жан.

С помощью Бокампа он поднимает трупы трех гусар и находит французского офицера. Очень юный, со шрамом на лбу, несчастный все еще сжимает рукоятку изломанной сабли. На нем артиллерийская форма. Собака бросается к нему, тихо визжа, лижет его залитое кровью лицо.

– Гром я молния! – вскрикивает Сорви-голова. – Это наш храбрый лейтенант! Тело еще теплое, но дыхания не слышно!

– Быть может, он жив? – говорит Бокамп.

Сорви-голова расстегивает мундир офицера, прикладывает ухо к груди и слышит слабое биение сердца.

– Надежда есть... скорее! Понесем его!

Но как быть? Лазарет – далеко, темнеет... Зуавы делают носилки из ружей, кладут на них русские шинели и помещают туда раненого. Словно понимая, что солдаты хотят спасти

ее господина, собака перестает лаять и ворчать. Она виляет хвостом, бегаёт взад и вперед и начинает прыгать, когда шествие пускается в путь.

Два зуава несут ружья, два следуют позади, Сорви-голова поддерживает раненого. Кругом тихо и пустынно. На каждом шагу зуавы натыкаются на трупы.

Сильный толчок вырывает стон у раненого лейтенанта.

– И худое бывает к хорошему, – замечает Сорви-голова. – По крайней мере, мы знаем, что он жив!

– Хорошо бы дать ему выпить! – говорит Робер.

– Это мысль! – одобряет Бокамп. – Человек, который может пить, – наполовину спасен!

Носилки останавливаются. Сорви-голова вливает в рот раненого каплю водки, каким-то чудом найденной на дне котелка.

– Выпил! – произносит Бокамп, с интересом следивший за операцией.

– Это – молодец, держу пари, что он скоро поправится! Лейтенант шевелится, открывает глаза и видит лицо Жана, озаренное доброй улыбкой. Он вздыхает, узнает его и тихо говорит:

– Вы снова... спасли меня! Спасибо!

При звуках дорогого голоса собачка взвизгивает и скачет как бешеная.

– Только по милости собачки мы нашли вас, господин лейтенант! – говорит Сорви-голова.

– Митральеза! Верная моя собака! – шепчет раненый.

– Славное имя для собаки артиллериста!

Пока доброе животное старается всячески выразить свою радость, лейтенант спрашивает слабым голосом:

– Мы победили?

– Да, господин лейтенант, по всей линии!

– Я счастлив и могу умереть!

С ним опять делается обморок. В этот момент зуавы замечают в темноте сумерек скачущего всадника.

– Смирно! – говорит Сорви-голова товарищам... – Мне пришлось в голову... увидите!

Он протягивает руки к лошади, останавливает ее, потом, отдавая честь, вежливо говорит офицеру английской армии, смотрящему на него сквозь дымок сигары.

– Простите, господин офицер! У меня к вам просьба... У нас тут умирает лейтенант... не можете ли вы послать ему на помощь... или не одолжите ли лошади, чтобы доставить его в лазарет? – Англичанин, флегматичный и холодный, спокойно курит и не отвечает.

Сорви-голова, от которого не ускользает ничто, замечает французскую упряжь лошади, всадника без шпор, в смешном костюме... Это очень странно.

– Что это? – думает он. – Шутка, измена?

Жан подходит ближе и, разглядывая всадника, видит тяжелые черные косы, едва прикрытые, подрисованные усики, портящие это лицо античной статуи с безукоризненно пра-

вильными чертами. Яростный взгляд больших черных глаз сразу объясняет ему все... Он схватывает лошадь за поводья и кричит:

– Черт меня побери! Это дама в черном! Во второй раз – вы – моя пленница!

Незнакомка наклоняется, сжимает колени и хлещет лошадь. Измученная с утра, возбужденная битвой, лошадь встает на дыбы, толкает Жана и летит стремглав.

Несмотря на атлетическую силу, Сорви-голова отлетает в сторону и слышит злобный хохот незнакомки.

– Проклятый! – кричит она. – Я убью тебя при третьей встрече!

Сорви-голова спокойно поднимается в то время, как его товарищи отчаянно ругаются, берет карабин, прицеливается в лошадь и стреляет. Лошадь подпрыгивает и стонет от боли.

– Готово! Через четверть часа конь падет! – кричит Бокамп.

– Надо бы погнаться за ней!

– Что ж! Ты, Жан – лучший стрелок в полку и лучше всех бегаешь! На твоём месте... я побежал бы за ней!

– Да, это хорошая мысль. Эта негодяйка ещё наделает нам зла! Как же лейтенант?

– Не беспокойся! Мы доставим его в лазарет!

Этот разговор занял не более четырех минут. Сорви-голова решил. Он бросается бежать за незнакомкой.

На первый взгляд, эта погоня кажется безумием, но для

Жана возможно невозможное.

Какая смелость! Какая твердость и выдержка! При этом умение бегать и легкие из бронзы! Сорви-голова прыгает через трупы, бежит и видит впереди себя коня, видимо замедляющего шаг. Благородное животное ранено, но будет бежать до последнего вздоха.

Темнеет все более. Кругом пустынно и тихо. Жану не попадают более ни раненые, ни трупы. Он оставил позади себя поле битвы и бежит вперед.

Видимо, незнакомка хорошо знает местность и сумела ловко избежать линии войск, авангардов, часовых. Она несется вперед по дороге, и конь ее начинает храпеть.

Сорви-голова, бодрый и свежий, прыгает за ней с ловкостью козы, все более удаляясь от своей армии. Теперь он во владениях неприятеля. Какие-то тени мелькают впереди. Мародеры? Не все ли равно! Он хочет догнать беглянку, куда бы она ни привела его: в засаду, в опасность, на смерть!

Копыта лошади стучат по каменистой дороге. Погоня продолжается уже более получаса. Сорви-голова на минуту останавливается, вытирает пот на лбу и бормочет:

– Куда она ведет меня? В Севастополь? Не могу же я один взять город!

До его ушей доносится странный звук. Хрип умирающей лошади. Скорее! Туда!

Зуав быстро бежит вперед и натывается на конвульсивно подергивающееся тело лошади.

– Я был уверен. Но куда девалась проклятая дама?

Вместо ответа он слышит команду на незнакомом языке.

Пять или шесть выстрелов раздаются справа и слева. С хладнокровием опытного солдата Жан кидается на землю, и пули пролетают мимо. Тогда он поднимается, хватая свой страшный карабин и стреляет в появившегося человека.

Тот падает с пробитой грудью. Другой убегает.

– Не торопись так! – усмехается Сорви-голова, и штык его вонзается в спину беглеца.

– Теперь чья очередь? – кричит зуав. – Никого! Все убежали!

Но занявшись этой борьбой, Сорви-голова потерял всякий след дамы в черном.

Всякий другой на его месте отказался бы от преследования, но Сорви-голова был достоин своего прозвища и поступал всегда по-своему. Опасность привлекала его, невозможность только раздражала и усиливала его энергию.

Жан бежит вперед, прислушивается к малейшим звукам; глухой шум вдали, ржание лошадей, стук колес, неопределенный хаос звуков – он различает в них движение армии. Это – русские войска отступают к югу. Сорви-голова подвигается вперед, думая, что если не догонит незнакомки, то все же принесет в лагерь драгоценные сведения. Перед ним мост. Он переходит его, идет среди виноградников, срывает спелые кисти винограда на ощупь и ест. К несчастью, подымается густой туман, луна прячется за облака.

Невозможно ориентироваться.

Сорви-голова бредет наудачу и после бесконечных аллей и переходов останавливается перед большим строением. В нижнем этаже одно окно освещено. Зуав различает звук человеческих голосов, прикладывает ухо к стеклу и слышит знакомый голос, заставивший его вздрогнуть.

– Маршрут союзной армии назначает остановку на реке Каача. Здесь, в замке князя Нахимова, будет главная квартира французского штаба. Всех их надо уничтожить... одним ударом!

– Хорошо, княгиня! – отвечает мужской голос.

– Это она! Она! – ворчит зуав.

– Бочки на месте?

– Да, княгиня, в подвале... А этот солдат, которым гнался за вами?

– Он потерял мой след и, вероятно, убит в засаде!

– Ого, – иронически бормочет Жан, – я докажу тебе сейчас, что он жив.

Разговор продолжается, и зуав, испуганный, несмотря на свою смелость, узнает о заговоре, благодаря которому должны погибнуть лучшие начальники французской армии.

Нельзя терять ни минуты. Надо уведомить главнокомандующего и изменить маршрут во избежание катастрофы.

Несмотря на усталость, Сорви-голова готовится бежать назад, в лагерь. Легкий шум заставляет его повернуть голову. Он отходит от окна, наклоняется и старается проник-

нуть взглядом через плотную завесу тумана. Что-то непонятное со свистом налетает и падает на него. Жан чувствует себя связанным, окутанным сетью, которую набросили на него. Сильный удар валит его на землю. Он не в силах защищаться, разорвать упругую сеть, сделать движение. Очевидно, ему грозит гибель в руках беспощадных врагов. Раздается свисток. Прибегают шесть человек, стуча грубыми сапогами, схватывают Жана и приносят его в огромную залитую светом комнату.

Перед столом стоит дама в черном, играя острым стилетом. Лицо ее мрачно. Но Жан холодно смотрит на нее, и глаза его встречаются с ее глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.